

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–330

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–330

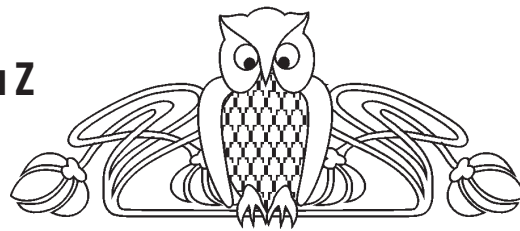
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

Научная статья

УДК 32.019.3

Особенности восприятия поколением Z эволюции молодежной политики в современной России

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей отношения поколения Z к государственной молодежной политике в современной России. На основе анализа различных трактовок поколения Z, представленных в отечественном общественном знании, сделан вывод о том, что говорить о единых его характеристиках можно лишь с большой долей условности, с учетом общности повсеместных интернет-коммуникаций, влияющих на формирование мировоззрения и образ жизни молодежи. Эмпирическую базу статьи составили материалы фокус-групп и онлайн-опросов молодежи (2021 г. n = 519; 2022 г. n = 2021; 2023 г. n = 852), проведенных кафедрой политических наук Саратовского государственного университета под руководством автора. На основе данных материалов было доказано, что единых типологических характеристик современной российской молодежи не существует, она разнородна и продолжает различаться не только по возрастным и гендерным критериям, но и по мировоззренческим и социокультурным основаниям, идеологическим предпочтениям, месту проживания, уровню образования и материальному положению. В целом, исследование показало, что, несмотря на наличие позитивных тенденций в восприятии государственной молодежной политики в современной России в последние два года (равно как и других направлений государственной политики в различных сферах общественной жизни), важнейшее значение имеет тот факт, что доля оппозиционно настроенных молодых людей остается на достаточно высоком уровне (примерно треть опрошенных). Наибольшая политическая мотивированность оппозиционности характерна для молодых сторонников либерализма. Социально-экономическая мотивация более присуща сторонникам «левых» идеологий.

Ключевые слова: поколение Z, политическая культура, мотивация отношения к государственной молодежной политике, стратификация молодежи в современной России

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Отношение "цифрового" поколения к молодежной политике в современной России: оценки, риски, варианты оптимизации», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Особенности восприятия поколением Z эволюции молодежной политики в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 322–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Peculiarities of Generation Z's perception of evolution of youth policy in modern Russia

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article presents results of the study of characteristics of the attitude of generation Z to state youth policy in modern Russia. Based on the analysis of various interpretations of generation Z, presented in domestic social science, it was concluded that it is possible to talk about its uniform characteristics only with a large degree of convention, taking into account the commonality of ubiquitous Internet communications that influence formation of the worldview and lifestyle of young people. The empirical basis of the article consists of materials from focus groups and online surveys of young people (2021 n = 519; 2022 n = 2021; 2023 n = 852) conducted by the faculty of Political Science Department, Saratov State University, under the leadership of the author. Based on these materials, it was proved that there are no uniform typological characteristics of modern Russian youth, which is heterogeneous and continues to differ not only in age and gender criteria, but also in ideological and sociocultural grounds, ideological preferences, place of residence, level of education and financial situation. In general, the study showed that, despite the presence of positive trends in the perception of state youth policy in modern Russia in the last two years (as well as other areas of state policy in various spheres of public life), the most important fact is that the share of

opposition-minded among young people remains at a fairly high level (about a third of respondents). The greatest political motivation for opposition is inherent in young supporters of liberalism. Socio-economic motivation is more characteristic of supporters of “left” ideologies.

Keywords: generation Z, political culture, motivation for attitude towards state youth policy, stratification of youth in modern Russia

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research project “The attitude of “digital” generation to youth policy in modern Russia: assessments, risks, optimization options”, supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Peculiarities of Generation Z's perception of evolution of youth policy in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 322–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-322-330>, EDN: UFSYDW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политической культуры и политического участия российской молодежи в современной России в последние годы приобрела особое звучание и актуальность. Обусловлено это началом специальной военной операции России на Украине и нарастающей гибридной войной коллективного Запада против нашей страны.

С одной стороны, данные факторы вызвали неоднозначную реакцию со стороны различных групп молодежи. Определенная часть представителей российского поколения Z либо сбежала в ближнее и дальнее зарубежье, либо продемонстрировала свое оппозиционное отношение к происходящему другими способами. Причины этого нуждаются в осмыслении для последующей оптимизации государственной молодежной политики и снижения оппозиционных настроений поколения Z.

С другой стороны, действующая власть в эти два года уже обозначила достаточно серьезные системные изменения в государственной политике в различных сферах общественной жизни. Это касается и государственного регулирования всех механизмов и институтов политической социализации подрастающего поколения, а также всех отраслей, связанных с обучением, воспитанием, трудоустройством и созданием социально-экономических условий для молодых семей, для поддержки материнства, детства и традиционных семейных ценностей. Не все из заявленных преобразований реализуются в полной мере и в рамках обозначенных показателей. Обусловлено это тем, что, например, сфера образования характеризуется серьезным инерционным свойством, которое невозможно изменить одномоментно официальным решением. Эта инерция проявляется на разных уровнях управления данной сферой и создает определенные проблемы в виде ситуационной мимикрии и имитации активной деятельности по реализации новых стратегических установок государственной молодежной политики. А на практике они выхолащивают суть и смысл преобразований и превращают в свою противоположность. Поэтому столь важно выявление мнения самой молодежи и ее оценок о проводимых преобразованиях в данной сфере и их результатах.

Понятие «поколение Z» употребляется нами наряду с другими его синонимичными обозначениями – «цифровая молодежь», «поколение зумеров», «зетов» и ряд других. Главный смысл всех данных понятий состоит в том, что они отражают характеристики поколения, выросшего в эпоху бурного развития интернета и иных цифровых технологий, что не могло не сказаться на особенностях мировоззрения, мышления и социально-политического участия российской молодежи. Это является еще одним фактором, актуализирующим теоретическую и практическую значимость обозначенной темы статьи.

По мнению исследователей особенностей поколения Z, дискуссия по этой проблематике в последние годы заметно активизировалась [1]. Она касается различных сюжетов, в том числе теоретико-методологических аспектов изучения характеристик данного поколения. Например, Т. А. Алексеева проблематику особенностей современного поколения молодежи рассматривает в рамках международной теории конструктивизма: «Концепт поколения представляет собой темпоральную единицу анализа, охватывающую разный опыт группы людей, находящихся в несовпадающем индивидуальном и коллективном времени» [2, с. 7]. Тем самым акцент делается на том, что «постнеклассическая перспектива рассматривает картину мира, как состоящую из множества темпоральных опытов или поколений, которые существуют одновременно, в то же время живя в разное “время”» [2, с. 9]. Для исследования поколенческих характеристик российской молодежи такой методологический посыл возможен для понимания сложностей в осмыслении специфики миропонимания, мироощущения и мировосприятия различными возрастными группами и соответствующих особенностей их политического участия.

О масштабе и глубине погруженности поколения Z в интернет-пространство свидетельствуют материалы исследования 2018 г. Финансового университета при Правительстве РФ «Влияние цифровизации на профессиональную культуру российской молодежи». Его результа-

ты позволили констатировать, что «большинство молодых людей в России являются настоящими аборигенами цифрового пространства, о чем свидетельствует довольно ранний старт в использовании интернет-коммуникации: 25% – в 7–10-летнем возрасте; 45,5% – в 10–13-летнем возрасте; еще четверть – в возрасте старше 13 лет. При этом самая существенная доля молодых россиян проводит треть дня в социальных медиа: 40% – 4–8 ч; 34% – 1–4 ч; 15% – 8–12 ч; 6% – более 12 ч» [3, с. 66].

Очевидно, что на сегодняшний день эти показатели еще более возросли. Соответственно, увеличились ресурсы влияния цифровой среды на формирование мировоззрения российской молодежи. По поводу его противоречивых последствий также продолжается дискуссия среди российских обществоведов [4–6]. По мнению С. Б. Абрамовой и Н. Л. Антоновой, происходит не просто перемещение гражданской активности молодежи в онлайн-пространство, но и преодоление недоверия молодого поколения к государству и его институтам в результате коммуникаций в понятном для молодежи цифровом пространстве [7, с. 47]. Как представляется, это чересчур оптимистичная позиция, с учетом того, что в интернет-пространстве поколение Z активно использует в качестве источника для получения информации не только государственные каналы коммуникации, но и оппозиционные, в том числе самые радикальные и враждебные.

Более взвешенной позиции придерживается Ю. В. Гаврилова, которая в своей статье рассматривает психофизиологические, личностные и психологические характеристики цифрового поколения в современной России [8]. По ее мнению, к объективным условиям формирования особенностей этой социальной группы относится добавление виртуальной реальности к «естественному» и «социальному» основанию структур взаимодействия природы и общества, которое приводит к тому, что «жизнь на стыке двух реальностей (социальной и виртуальной) является для них “естественной”, не вызывающей дискомфорта и неудобств» [8, с. 101]. Автор констатирует, что данному поколению присуще сочетание позитивных и негативных тенденций: «На общем фоне интеллектуального развития страдает эмоциональный интеллект подростков; при появлении молодых, успешных лидеров, одновременно распространён инфантилизм и выученная беспомощность; саморазвитие соседствует со слабыми физическими по-

казателями; умение быть гибким и выходить из ситуаций социальной неопределённости сопровождается беспомощностью в экстремальных ситуациях, требующих физического выживания и сохранения здоровья (например, природные катастрофы, эпидемии, войны)» [8, с. 111]. Как представляется, общий вывод автора о том, что отрицательные последствия цифрового мира не будут разрушительными для этого поколения, на наш взгляд, завышенно оптимистичный. Массовые масштабы приобрел инфантилизм, отсутствие социальной ответственности за последствия переноса игровых виртуальных ситуаций на реальность, стремление добиться признания в виртуальном мире любыми способами, в том числе за счет жестоких сцен и издевательств, которые затем выставляются на всеобщее обозрение в интернет-пространстве.

В 2019 г. Высшая школа экономики выпустила сборник «Мифы о “поколении Z”», авторы которого утверждают, что ряд приписываемых подросткам особенностей (например, снижение способности мыслить критически) не подтверждены данными или результаты исследований противоречивы, отдельные характеристики являются, скорее, реакцией на современную среду (многозадачность), свойственны как взрослым, так и подросткам. Авторы отмечают, что сегодня нельзя с уверенностью делать выводы о поколенческой специфике современных подростков: особенности поведения, установок, ценностей могут быть обусловлены средой или возрастом и измениться по мере взросления [9].

С учетом сложности внешнеполитической ситуации особенно важным является политическое позиционирование цифрового поколения, которое несет в себе высокие социальные риски радикальной оппозиционности. С. Б. Абрамова и Н. Л. Антонова на основе эмпирических данных провели исследование взаимосвязи ответственности и гражданского активизма молодежи Екатеринбурга и Свердловской области [10]. На наш взгляд, многомерное измерение уровня ответственности российской молодежи дает возможность выявить одну из важнейших характеристик политической культуры цифрового поколения. Авторы констатируют, что ответственность молодежи за происходящее в стране находится на среднем уровне и «снижается с увеличением социальной дистанции: молодежь проявляет это чувство в большей степени по отношению к близкому контактному кругу, чем по отношению к стране в целом» [10, с. 89]. Особенно интересной представляется поста-

новка дискуссионных вопросов о целесообразности изучения «степени декларативности» [10, с. 98], в ответах на которые, а также на вопросы о гражданской ответственности у молодежи малых городов авторы выявили определенные расхождения. Как показало наше исследование, эта проблема в еще большей степени касается представителей сельской молодежи, которые в ходе опроса демонстрируют более высокий уровень гражданского патриотизма и ответственности и одновременно в значительной своей части не хотят связывать дальнейшую судьбу с местом своего проживания.

Е. О. Соболева в объяснении оппозиционности современного поколения студенческой молодежи акцент делает на основных фобиях и политических страхах ее представителей [11]. На основе анализа государственной молодежной политики РФ в последние десятилетия автор приходит к выводу о том, что после 2008 г. «массовая работа с молодежью постепенно сворачивается, политически выхолащиваются существовавшие молодежные организации, создаются новые структуры, кадровые резервы и форумы..., которые больше ориентируются не на воспитание молодого поколения в духе патриотизма и традиционных национальных ценностей, а на создание нового управленческого слоя» [11, с. 33]. В результате поколение Z стало постепенно «дрейфовать» в сторону оппозиции. Автор дает такую характеристику причин оппозиционности современной российской молодежи: «Во-первых, молодежь традиционно является протестной средой и любые, даже абсурдные или сомнительные обвинения в адрес власти трактуются ею не критически, более того, воспринимаются как политическая смелость и нонконформизм. Во-вторых, в отличие от предшественников, «поколение Z» не застало потрясений и кризисов 1980–1990-х гг. и практически всю свою сознательную жизнь провело в атмосфере комфорта и безопасности. В-третьих, ... власть сама в последние 8–10 лет сбивала “излишний” патриотический настрой молодежи, демонстрировала приверженность “общечеловеческим ценностям”, через СМИ активно пропагандировала западный стиль жизни» [11, с. 34].

Е. К. Рудакова в объяснении причин оппозиционности российской молодежи в современной России акцент делает на том, что решающую роль играет «насаждаемая “культура отмены”, новая глобальная идеология трансгуманизма, которая обесценивает и раз-

рушает устоявшиеся традиции и нормы» [12, с. 54]. Результатом она видит особенности мировоззрения, которые позволяют характеризовать молодежь как поколение 5G. По мнению Е. К. Рудаковой, эти особенности носят «трансцендентный и транснациональный характер», а процесс его трансформации «режиссируется и направляется с использованием когнитивных технологий управления массовым сознанием и медиаресурсов. Целью является формирование поколений, которые не будут привязаны к национальному государству, этносу, территории, роду, семье, истории, языку, а будут “исповедовать” установки и ценности нового глобального мира» [12, с. 54–55]. Для реализации такой масштабной задачи были использованы самые различные технологии воздействия на подрастающее поколение – от пропаганды IT-профессий будущего, которые не будут привязаны к постоянному месту работы, к жесткому графику, к конкретной стране проживания, до пропаганды «мира без границ», без Родины и национальной принадлежности, с неограниченной свободой действий, передвижений, выбора своей гендерной идентичности и т.д. Подобной позиции придерживается также Т. В. Бугайчук, по мнению которой для современной молодежи «духовный мир как целостная система разрушается, приобретая черты эклектичности и релятивизма» [13, с. 15].

Таким образом, проведенный обзор новейшей литературы показал, что продолжают иметь место различия в понимании теоретических основ и объяснении конкретных особенностей различных поколений молодежи.

Традиционный теоретический концепт поколений X, Y, Z основывался на типичных характеристиках сообществ молодежи, рожденных в конкретно-исторический период в результате воздействия одних и тех же политических, социально-экономических, социокультурных, технологических и иных факторов. Наиболее распространенными в научном дискурсе для поколения Z являются типичные характеристики, связанные с распространением индивидуалистических ценностей, глубокой погруженностью в виртуальное цифровое пространство, как с целью получения информации, так и для удовлетворения своих важнейших потребностей в коммуникации и реализации своих интересов. Результатом этого погружения признается клиповое мышление, отсутствие способности критически оценивать информацию, социальный инфанти-

лизм и ограниченные возможности духовно-нравственного и эмоционального развития.

Часть исследователей подвергают сомнению такую однозначную характеристику и делают акцент на том, что обобщенные социально-психологические и когнитивные особенности, приписываемые поколению Z, противоречивы и нуждаются в эмпирической проверке, что они присущи всем возрастным группам, а не только молодежи.

На наш взгляд, правильнее исходить из того, что во все времена молодежь, имея некие общие половозрастные характеристики, тем не менее, всегда была социально неоднородной, дифференцированной по самым различным основаниям. Эта стратификация зависела от места проживания, уровня образования, доходов, от характера воспитания, социокультурной среды, индивидуальных психофизиологических характеристик и т.д.

Для того чтобы выявить различные мотивы отношения российской молодежи к государству и основным направлениям государственной политики, нами было проведено соответствующее исследование. Его эмпирическую основу составили материалы ежегодных фокус-групп и онлайн-опросов молодежи (2021 г. n = 519; 2022 г. n = 2021; 2023 г. n = 852), проведенных кафедрой политических наук Саратовского государственного университета под руководством автора.

По материалам наших исследований в 2021 г. оппозиционные настроения российской молодежи достигли своего пика. Они проявлялись в отношении существующего политического режима, основных направлений государственной политики, в отношении действующих механизмов взаимодействия власти и общества.

Материалы показывают, что в результате целенаправленных усилий государства в последние два года произошли определенные позитивные сдвиги в представлениях российской молодежи в отношении государства и его функциональности в современной России. В рамках онлайн-опроса респонденты должны были определить свое понимание правильности/неправильности основных направлений государственной политики выставлением оценок от 0 до 5 баллов.

Однозначно положительную оценку **сфере политики** поставили в 2023 г. 39,9% респондентов (в 2022 г. – 22,4%, в 2021 г. – 14,7%).

Однозначно негативное отношение в 2023 г. продемонстрировали 34,8% опрошенных (в 2022 г. – 49,0%, в 2021 г. – 64,6%).

Оценка молодежью правильности развития **социальной сферы** в современной России выглядела следующим образом. Однозначно положительную оценку поставили в 2023 г. 47,6% (в 2022 г. – 27,8%, в 2021 г. – 21,0%). Однозначно негативное отношение в 2023 г. продемонстрировали лишь 28,5% опрошенных (в 2022 г. – 42,7%, в 2021 г. – 55,1%).

Однозначно положительные оценки **оборонной политике** в 2023 г. дали 50,8% респондентов (в 2022 г. – 41,1, в 2021 г. – 44,0%). Негативное восприятие правильности оборонной политики отметили в 2023 г. лишь 26,9% опрошенных (в 2022 г. – 38,9%, в 2021 г. – 35,9%).

Негативную оценку правильности **образовательной политики** в современной России в 2023 г. дали 36,5% опрошенных (в 2022 г. 50,1%). Это больше, чем в отношении каждого из рассмотренных выше направлений государственной политики. Позитивные (4–5 баллов) оценки в 2023 г. поставили 40,7% опрошенных (в 2022 г. – только 24,9%).

В рамках данной статьи мы не можем охватить весь спектр мотивов отношений различных возрастных групп российской молодежи к действующей власти и к основным направлениям государственной политики в ключевых сферах общественной жизни. Остановимся более подробно на таком стратегическом векторе государственной деятельности, как молодежная политика, которая воспринимается молодым поколением как сфера деятельности, напрямую касающаяся их непосредственных интересов.

От 0 до 2 баллов данному направлению в 2023 г. поставили 29,4% опрошенных (в 2022 г. – 41,7%, в 2021 г. – 53,2%). Положительные оценки (4 и 5 баллов) в 2023 г. поставили 44,7% (в 2022 г. – 33,2%, в 2021 г. – 24,3%) (табл. 1).

Участники фокус групп 2023 г. в качестве ключевых причин улучшения восприятия данного направления государственной политики отмечали усиление внимания официальных структур к проблемам молодежи и активизацию различных форм работы с этой группой в области спорта, волонтерской деятельности, культурно-развлекательных мероприятий и т.д.

Примечательна позиция различных возрастных групп по данному вопросу (табл. 2).

Таблица 1

Оценка молодежью правильности молодежной политики в современной России

Оценка, баллы	Количество ответов респондентов (%)		
	ноябрь 2021	ноябрь 2022	ноябрь 2023
0 (совершенно неправильное)	74 (14,3)	258 (12,8)	64 (7,5)
1	96 (18,5)	270 (13,4)	78 (9,2)
2	106 (20,4)	313 (15,5)	108 (12,7)
3	117 (22,5)	510 (25,2)	221 (25,9)
4	82 (15,8)	390 (19,3)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	44 (8,5)	280 (13,9)	190 (22,3)
Всего	519 (100,0)	2021 (100,0)	852 (100,0)

Таблица 2

Оценка различными возрастными группами молодежи правильности молодежной политики в современной России

Оценка, баллы	Возраст респондентов (%)				Всего
	14–17	18–25	26–30	31–35	
0 (совершенно неправильное)	32 (7,2)	26 (7,0)	0	6 (27,3)	64 (7,5)
1	44 (10,0)	32 (8,6)	2 (12,5)	0	78 (9,2)
2	57 (12,9)	45 (12,1)	3 (18,8)	3 (13,6)	108 (12,7)
3	100 (22,6)	110 (29,6)	6 (37,5)	5 (22,7)	221 (25,9)
4	106 (24,0)	75 (20,2)	3 (18,8)	7 (31,8)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	103 (23,3)	84 (22,6)	2 (12,5)	1 (4,5)	190 (22,3)
Всего	442 (100,0)	372 (100,0)	16 (100,0)	22 (100,0)	852 (100,0)

В младшей группе от 0 до 2 баллов ответ выбрали 30,1% опрошенных, в группе «студентов» – 27,7%, в группе 26–30 лет – 31,3%, 31–35 лет – 40,9%. Однозначно позитивные оценки (4–5 баллов) в группе «школьников» дали 47,3% респондентов, в группе «студентов» – 42,8%, в группе 26–30 лет – 31,3%, в группе 31–35 лет – 36,3%. По сравнению с исследованием 2021 и 2022 гг. уровень положительных оценок государственной молодежной политики вырос во всех возрастных группах.

Интересно объяснение причин различий в отношении к молодежной политике представителей выделенных возрастных групп. Среди факторов, определяющих позитивное восприятие данной сферы государственной деятельности, участники фокус-групп выделяли официальные установки последних двух лет на усиление поддержки молодежи со стороны государства (выделение льготной ипотеки, выплату материнского капитала, другие формы социальных льгот и поддержки). Тем самым объяснение мотивации отношения молодежи к молодежной

политике неразрывно связано с общим пониманием социально-экономической политики в современной России. С этим же общим социально-экономическим контекстом связано и объяснение продолжающегося недовольства со стороны молодежи – недостаточный размер стипендии, на которую нельзя прожить без помощи родителей и без подработки; недостаточный уровень льгот на проезд и на жилье; проблемы с трудоустройством по специальности после окончания вуза или другого учебного заведения; невысокие зарплаты в регионе.

Кроме того, фокус-группы 2023 г. выявили еще одну причину недовольства молодежной политикой – недостаточный уровень представленности молодежи в различных органах власти, в политических партиях и общественных организациях.

При этом «провинциальная» составляющая негативного социально-экономического контекста выступает более выпукло по мере удаления места проживания опрошенных от областного центра к провинциальной периферии (табл. 3).

Как показывают данные табл. 3, негативные оценки от 0 до 2 баллов поставили 29,6% респондентов из областных центров, 29,3% – из райцентров, 29,9% – из сельской местности, на

4 и 5 баллов оценили правильность молодежной политики соответственно 43,8, 45,4 и 47,3%, на троечку оценили 26,8, 25,4 и 23,7% опрошенных соответственно

Таблица 3

Оценка молодежью правильности молодежной политики в современной России в зависимости от места проживания респондентов

Оценка, баллы	Тип населенного пункта – места проживания респондента (%)			Всего
	областной центр	районный центр	сельская местность	
0 баллов (совершенно неправильное)	36 (8,2)	24 (7,2)	4 (5,3)	64 (7,5)
1	43 (9,8)	25 (7,5)	10 (13,2)	78 (9,2)
2	51 (11,6)	49 (14,6)	8 (10,5)	108 (12,7)
3	118 (26,8)	85 (25,4)	18 (23,7)	221 (25,9)
4	93 (21,1)	83 (24,8)	15 (19,7)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	100 (22,7)	69 (20,6)	21 (27,6)	190 (22,3)
Всего	441 (100,0)	335 (100,0)	76 (100,0)	852 (100,0)

Несмотря на близость данных показателей, выступающих важнейшим маркером оппозиционности/лояльности различных групп российской молодежи в отношении государственной молодежной политики, мотивация неудовлетворенности существенно различается. Материалы фокус-групп показывают, что для представителей молодежи из областных центров среди ключевых причин недовольства государственной политикой в данной сфере первые позиции занимают социально-политические мотивы. К ним относится недовольство государственными ограничениями прав и свобод в условиях проведения СВО, в отношении деятельности либеральной оппозиции, недовольство частичной мобилизацией, конфронтацией России с западноевропейскими странами и т.д. Для представителей молодежи из райцентров и сельских

населенных пунктов на первый план выступают социально-экономические мотивы – низкие зарплаты, недостаточный уровень развития социальной инфраструктуры, проблемы трудоустройства и т.д.

Как показывают материалы табл. 4, негативные оценки от 0 до 2 баллов поставили 24,9% респондентов женского пола, 34,6% – мужского пола. На 4 и 5 баллов оценили правильность молодежной политики соответственно 49,5 и 39,0% представителей данных гендерных групп молодежи, на троечку – 25,5 и 26,4% опрошенных соответственно. Материалы фокус-групп показали, что более высокий уровень лояльности к действующей власти респондентов женского пола обусловлен, прежде всего, меньшими личными опасениями и страхами перед возможностью мобилизации на СВО.

Таблица 4

Оценка правильности молодежной политики в современной России в зависимости от пола респондентов

Оценка, баллы	Пол респондента (%)		Всего
	женский	мужской	
0 баллов (совершенно неправильное)	32 (6,9)	32 (8,2)	64 (7,5)
1	42 (9,1)	36 (9,2)	78 (9,2)
2	41 (8,9)	67 (17,2)	108 (12,7)
3	118 (25,5)	103 (26,4)	221 (25,9)
4	118 (25,5)	73 (18,7)	191 (22,4)
5 (совершенно правильное)	111 (24,0)	79 (20,3)	190 (22,3)
Всего	462 (100,0)	390 (100,0)	852 (100)

Исследование показало, что среди приверженцев различных идеологий наибольшую значимость в мотивации оппозиционности имеют анархизм и либерализм. Среди приверженцев анархизма однозначно негативно (0–2 балла) государственную молодежную политику оценили 54,5%, на 4 и 5 баллов – 18,0% на 3 балла – 27,3%. Фокус-группы показали, что сторонники анархизма наиболее последовательно и осознанно критично воспринимают деятельность Российского государства и его институтов. Однако данная группа малочисленна (2,6% от всех опрошенных) и поэтому не представляет высокую социальную опасность. В отличие от них сторонники либерализма гораздо более многочисленны (17,3% от всех респондентов), и среди них однозначно негативно (0–2 балла) оценили государственную молодежную политику 31,9% опрошенных, на 4 и 5 баллов – 41,5%, на 3 балла – 26,6%

В целом, исследование показало, что, несмотря на наличие позитивных тенденций в восприятии государственной молодежной политики в современной России (равно как и других направлений политики в различных сферах общественной жизни), важнейшее значение имеет тот факт, что доля оппозиционно настроенных молодых людей продолжает оставаться на уровне трети опрошенных.

Эмпирически было доказано, что единых типологических характеристик современной российской молодежи не существует, она разнородна и продолжает различаться не только по возрастным и гендерным критериям, но и по мировоззренческим и социокультурным основаниям, по идеологическим предпочтениям, месту проживания, уровню образования и материальному положению.

Для поколения Z данная дифференциация подверглась определенному нивелированию за счет повсеместного распространения возможностей погружения в виртуальную реальность и получения разнородной информации и каналов коммуникации в интернет-пространстве. Да, цифровые ресурсы и технологии стали серьезным фактором формирования мировоззрения и нравственных основ подрастающего поколения. Но семья, школа, вуз, СМИ, искусство и другие социальные институты продолжают оставаться ключевыми агентами социализации. Именно поэтому важно рассматривать и оценивать поколение молодежи не как единую однородную массу, а в рамках конкретных характеристик ее различных социальных сегментов.

Такой подход особенно важен для определения уровня и характера оппозиционности различных групп российской молодежи и выявления соответствующих социальных рисков ее возможной радикальной реализации.

Значительная часть молодежи вступает во взрослую жизнь с уже сформированным либеральным мировоззрением (во многом благодаря школьному образованию и воспитанию, которые на протяжении постсоветских десятилетий осуществлялись на основе либеральной парадигмы). Именно данный идеологически мотивированный сегмент российской молодежи действительно становится идеальным расходным материалом для управляемых протестных движений и цветных революций. Борьба государства за сохранение традиционных ценностей рассматривается такими представителями цифрового поколения как отстаивание архаизма и косности. Борьба за отстаивание национальных интересов рассматривается как политика изоляционизма от столбовой дороги «цивилизационного развития», от «прогрессивных» мировых трендов. Государственные запреты и ограничения деятельности иностранных агентов оцениваются этой частью молодежи как покушение на свободу выбора получения информации и каналов коммуникаций.

Оппозиционность молодежи «левой» идеологической ориентации в большей степени мотивирована социально-экономическими факторами и недовольством состоянием дел в данной сфере. Отношение к внешней политике России, к СВО, к конфронтации с США и их союзниками по НАТО у данной группы более лояльно. Уровень патриотизма и позитивного отношения к официальной политике сохранения традиционных ценностей в современной России у данной группы фактически близок к показателям лояльно настроенных респондентов в отношении действующего политического режима.

Тем не менее продолжает оставаться высоким социальный риск того, что в случае спровоцированной конфликтной внутривнутриполитической ситуации часть молодежи сможет быть втянута в антиправительственные и антигосударственные акции не столько в силу своих идеологических и политических предпочтений, сколько в силу возрастных психофизиологических характеристик, выступающих в качестве факторов конформистского поведения и возрастной солидарности. Отсутствие рациональной осознанности разрушительных последствий радикальной борьбы, стремление к демонстрации своего

молодечества и бесстрашия, максимализм в оценках действия властей вполне смогут стать доминирующими мотивами поведения молодежи в условиях обострения ситуации.

Список литературы

1. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З. Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146–158. <https://doi.org/10.17223/15617793/476/16>
2. Алексеева Т. А. «Третье поколение» конструктивизма: что нового? // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 1 (29). С. 6–21.
3. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–69. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>
4. Казаков А. А. Отношение российской молодежи к СВО: роль медийного сопровождения государственной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 460–467. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-460-467>, EDN: VRKDZI
5. Труханов В. А. Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: AHDZCU
6. Шестов Н. И. Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодежи: почему не складывается целостная картина? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 66–70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>, EDN: TEGCAK
7. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Гражданский неполитический активизм молодежи: поворот к цифровым локальным практикам // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5, № 3 (17). С. 46–55. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.3.4>
8. Гаврилова Ю. В. Цифровое поколение: тенденции становления и особенности развития // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 99–114. EDN: YUQNZY
9. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с
10. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Ответственность как фактор гражданского активизма молодежи // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 4. С. 89–101. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-4-89-101>, EDN: YCSHKF
11. Соболева Е. О. Политические страхи современной студенческой молодежи в контексте молодежной политики Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 5. С. 31–35. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-5-31-35>, EDN: PWAOMQ
12. Рудакова Е. К. Поколение 5G: глобальный взгляд на проблему доверия молодежи к традиционным политическим и общественным институтам // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4 (4). С. 53–59. EDN: AHMVEI
13. Бугайчук Т. В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 5–22. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-11-5-22>

Поступила в редакцию 17.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 06.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 17.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 06.05.2024; published 30.08.2024